

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13

ЭФЕМЕРИДЫ**В. И. Красиков**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 06-03-02011а.

Грациозно-хрупкие бабочки, прекрасные своей бесцельной и беззащитной красотой, чья жизнь, если повезет, длится несколько дней, но, как правило, кончается в конце долгого дня их же рождения, всегда вызывали у меня ассоциации-анalogии с нашим существованием. Существованием эфемерным: мимолетным, по большому счету бессмысленным, но и почему-то щемяще-трогательным и прекрасным.

Полет бабочки-однодневки начинается в молочном тумане росистой предрассветной тиши летнего утра, когда мир еще наполнен энергией предстоящего существования, формы и звуки напоены свежестью, объемом, необычностью и новизной. День сулит вновь рожденному, пребывающему в энтузиазме доверия узнавания, источающему восторг надежды существу столь же небывалое и значительное.

Мир солнца и яркого света оказывается, однако, миром жестокого дневного зноя, неумолимой причинности, жесткого прагматизма борьбы за выживание, где царствует логика воли и обмана, называемая в одних случаях причинностью, в других – судьбой. Красота и фантазия здесь также учтены, измерены, конвертированы в валюту сил и воли. Им снисходительно разрешено окаймлять грубость мощи первопричин этого существования. Бабочки здесь, – по сути, легко устранимая, прекрасная, но лишь декоративная деталь этого мира. И лишь в пресыщенно-благополучных состояниях этого мира разрешено существование подобных декоративных существ.

Послезакатные сумерки дневного мира, уставшего от многоделания, перегрева заботами, духоты бессмысленности вновь снижают напряжение существования, принимая усталых, ослабевших, бесцельных существ в последние объятия породившего их полдня назад Изначального Тумана Молочного Забвения. Что это за существа? Какова их роль, их доля, их цель в раскладе законосообразного и причинного? Зачем они, беспомощные, никому не нужные, вызывающие, может быть, умиление, изумление, жалость, скорбь и вместе с тем беспричинное восхищение?

Столь же обреченно мимолетна и жизнь человеческая: возьми его как просто животный организм вроде бы удачливого вида *homo sapiens*, или же относись к нему как к субъекту относительно са-

мостоятельно целеполагающих последовательностей, называемых собственно «биографией сознания». Все же в наибольшей мере соответствует аналогии эфемерид изредка случающееся, прекрасно-болезненное, загадочно-бесполезное, бесцельное и трагическое пробуждение духа: сознания, пораженного тщетой, сознания, бьющегося в клетке жизни и вида в попытках выйти за пределы своего удела, став бесконечным и необусловленным. Последнее можно назвать и гордыней, и человекобожескими устремленностями европейской «фаустовской» души, непонятными и, может быть, презируемыми другими культурами. А можно – явлением нежно-печальной, щемяще-прекрасной Красоты жизни и бытия, одного рода с полетами бабочек-однодневок, бабочек-эфемерид.

Видовая продолжительность жизни человека вряд ли отличается многим от большинства животных организмов. Животным далеко до рекордов долголетия растительных организмов, таких как дубы, эвкалипты или же баобабы. Жизнь в постоянных резких передвижениях требует больших расходов витальной энергии, ее постоянных возобновлений через поиск пищевых ресурсов, значительно повышает риски неестественной преждевременной смерти. Может быть, биологи со мной и не согласятся, но, возможно, более целесообразно – измерение видовой продолжительности жизни человека по показателю возраста завершения репродуктивного периода у женщин – базовой модели вида. Этот возраст, как известно, равен в среднем – 45-55 годам. Это же укладывается в средние параметры жизни многих высокоорганизованных животных организмов. Дополнительные, столь высоко ценимые 25-30 лет, – результат, скорее, защитных, сохраняющих, консервирующих усилий культуры: новой самоорганизации жизни высших животных, называющих себя «людьми».

Средний, естественный, пятидесятилетний возраст человеческой особи биологически рационален: каждый в принципе способен после достижения половой зрелости родить и вырастить (довести до половой зрелости) свою смену. Историки свидетельствуют о том, что на протяжении практически всей человеческой истории (вплоть до XX в.) такая средняя продолжительность в 50 лет и была естественным пределом в абсолютном большинстве традиционных человеческих культур.

Следует всегда помнить о том, что называется собственно «нами», *homo sapiens*, людьми (сознание, душа, образ Божий, если угодно) – есть в чистом виде некое идеальное новообразование,

случайно появившееся как дополнительная функция выживания. Затем оно развивается на своей собственной основе, создает системы защиты и контроля в отношении своего местопребывания, своего носителя тела. Однако оно ни на йоту пока не в состоянии изменить эволюционно-биологический, видовой (генетический) формат своего существования. Ничего другого, кроме данного природой (жизнью или кодом ДНК: предшествующей эволюционной историей живых организмов) тела, коему отмерено 50 биологических лет и 20-30 в среднем добавочных, «культурных» лет, сознание, дух не имеют.

Оно же, тело, живет своей, абсолютно независимой от сознания, жизнью – по своим ритмам, срокам и планам. Можно улучшать эту телесную жизнь, оптимизировать ее и тем самым культурно удлинить, или, напротив, создавать своему телу проблемы и «укладываться» в естественно-видовые рамки жизненной длительности, однако нельзя изменить ее общий принципиально (биологически, генетически) возможный срок, направленность и главные фазы самореализации, программируемые неким генетическим, видовым Map.

Мы, прежде всего, изначально и неустранимо, – животные, в том смысле, что местопребываем в практически независимом от нас животном организме, который имеет свои цели и предназначенности, живет своей жизнью, чтобы мы об этом не думали. Мы можем считать себя чем-то из ряда вон выходящим, эфирными созданиями, бесплотными духами либо расой разумных владык природы, но факт нашего нахождения в живущей своею жизнью плоти вряд ли оспорим. Молодая плоть, покрытая розовой и упругой кожей, источающей свежесть, мгновенно незаметно становится старой, морщинистой рухлядью, натянутой серым пергаментом с темными пигментными пятнами – знаками и запахами совсем уже близкого трупного разложения. И что бы мы не говорили и не думали о себе как о сознании, о «я», о «духе» – все это лишь эпизод той первичной, природной и первородной жизни. Жизни крайне краткой, потому что «не для себя» эта жизнь, а всегда для другой, сменяющей нас жизни. Краткость, мимолетность жизни биологической становится рельефным обстоятельством, дающим фактом бытия, когда они осознаются, т. е. подвергаются напряженно-темпоральной деформации. Появление сознания, собственно, и означает появление человеческого временного формата существования: в болезненных тисках «прошлого – настоящего – будущего».

Известно, что в нашей полосе существования (макромир окрестности Земли) наличествует лишь настоящее. Может, существуют и, скорее всего, есть, другие временные форматы в масштабах более глобальных. Однако, если ограничиваться тем, с чем мы имеем дело, то главное, что отличает сущность, называемую «сознанием», от прочего окружающего – это именно специфическая временная самоорганизация. Полагаю, что сознание и есть необычное

временное измерение как состояние особо организованного локуса бытия: индивидуального мозга и социальной деятельности множества человеческих индивидов. Становление сознания и означает постепенную пожизненную темпоральную трансформацию¹.

Человеческое бытие и есть становление особого, человеческого времени, как о том справедливо писал Хайдеггер, правда, как и в свое время Гегель, немисливо спекулятивным, т. е. вычурно-идеалистическим, отчужденным от реалий повседневности языком. Сознание – особое временение, вернее, пожизненное (экзистенциальное) складывание собственно человеческого времени – ощущения, переживания своего присутствия. Конечно, – через, посредством активной жизнедеятельности и мыследеятельности.

Так вот, еще более мимолетна собственно жизнь человеческая, как жизнь сознания, а не как лишь животного организма. Речь идет о двух вещах:

- о мимолетности вообще мигнов жизни сознания собственно «для себя»;
- о мимолетности, порождаемой особенностями переживания времени в основных возрастах человека: от «некогда» – к «никогда».

Несложные расчеты показывают, что в среднем человек ежедневно может иметь от силы 2-4 часа для того, чтобы заняться собой, своими проблемами, не связанными с заботами выживания и функционирования. В среднем треть суток мы вообще бездвигательны, выключены из режима бодрствования, собственно осознаваемого, освещенного светом активного внимания. 8 часов рабочего дня большинства взрослого населения также вряд ли располагают к уединению с собой. Конечно, найдутся люди, способные к использованию части служебного времени для себя, однако, по понятным причинам, это чревато осложнениями. Приготовление и прием пищи, физиологические отправления, семейные и социальные обязанности, брачная охота, сексуальная жизнь, необходимые для организма развлечения и релаксация – занимают, по сути, остальные 8 часов. Эта львиная доля жизни человеческой сродни зоологическому существованию. Это время «не исторично», т. е. оно не организовано никакими особыми личностными целями, а подчинено и размечено органическими ритмами: питание – выделение, размножение, восстановление и пр. Соответственно, никакой «истории» (особой биографии) быть здесь и не может, а человек ничем не отличается от других животных организмов в рамках их популяций. В этом сегменте своего существования, который занимает у многих весь спектр их жизни, человек «имеет семью, растит детей, следует традициям, служит отечеству и т. п.» Мимолетность здесь оборачивается, к тому же, и ужасающей

¹ Красиков, В. И. Синдром существования / В. И. Красиков. – Томск, 2002. – С. 9-108.

бессмыслицей «просто особи», «просто животного». К счастью для этих многих, биосоциальное целое определяет такой горизонт миропредставлений, в котором отдельное сознание и не видит пределов, лимитов своей свободы. История народа, культуры становится единственной и личностной историей индивида, а последний – сегментом Целого. Чувства мимолетности здесь нейтрализуются ощущениями вечности своего присутствия в жизни необозримо длимого рода, этноса – суперорганизма, имеющего свою уникальную историю. Для этого типа людей, составляющих, вероятно, более $\frac{3}{4}$ современного населения планеты, тема, составляющая предмет данного обсуждения, покажется надуманной и непонятной. Оставим их в их счастии и позавидуем, отчасти, им («счастливые часов не наблюдают»).

Лишь при условии стабилизации личного режима существования, его рутинизации и сознательной политики минимизации социальных обязанностей, начало чему еще положили древние («скрывайся и тайсь»), человек может выкроить те желанные 2-4 часа в сутки для себя.

В более привилегированном положении находятся вроде бы лица так называемых «свободных» (писатели, художники, актеры) либо «полусвободных» (сторожа и преподаватели вузов) профессий, которые не привязаны к жесткому каждодневному временному лимитированию. Однако это, скорее, иллюзия свободы. Эти люди работают и, заметьте, – не на себя, а на поддержание жизни (делая на потребу, удовлетворяя вкусы потребителей, заказчиков, рынок), затрачивая сил неизмеримо больше, нежели те, чей труд каждодневно занормирован. Исключение, экономическую свободу получают единицы, гигантским напряжением труда и способностей, а то и просто удачей, становящиеся известными и популярными, что, начиная с Нового времени (появление книжных рынков, рынков произведений искусств, потом индустрии развлечений), означает достаток, а то и богатство.

Но что же дают среднему человеку эти выкроенные ежедневно 2-4 часа «для себя»? Как правило, мозаику разорванных моментов, заполняемых любимыми занятиями: чтением, собирательством, поделками, играми, поисковой активностью (охота, рыболовство, донжуанство и пр.) и т. п., тем, что называется «хобби» и, по сути, совпадает с релаксацией. Они изредка объединяемы какой-либо генеральной целью и образуют последовательности – типа «собрать возможно более полную коллекцию чего-либо» и чаще объединены стремлением, скорее, имитирующим, смысл: «стать (самым) совершенным, искусным в чем-либо».

Тем не менее в этих урывках свободного, «своего» времени – от рутинного существования – человек, похоже, и может быть настолько счастлив, насколько это возможно. Разумеется, помимо других, столь же важных, но более социализированных, функциональных форм его существования типа «семейного благополучия» или «профессиональной

карьеры». Однако, если индивидуальный успех в подобных социализированных формах существования зависит все же в большей степени от непредсказуемых игр социальных случайностей (оставим мифы о равных возможностях и вознаграждаемых талантах многочисленным идеологиям), то лишь в сфере свободной самореализации многое действительно зависит от индивидуальности.

Человек лишь здесь может стать самим собой, таким, каким он сам хочет быть (оставляем в стороне «профессиональный аскетизм», когда человек становится «совершенным орудием», «идеальной функцией» – гениальным ученым, полководцем, конструктором, экономистом и пр.). Потому-то и столь экзистенциально ценна эта сфера человеческого индивидуального существования для современной индивидуализированной культуры, что лишь здесь и возможно фундаментальное фундирование; т. е. нахождение (создание) своего смысла существования, не связанного с социальным функционированием («вырастить сына, посадить дерево ...» и пр.) или хотя бы какое-то его имитирование.

Меж тем сфера нашей относительно свободной самостоятельности всегда фрагментарна, мозаична, оформляется довольно поздно в биографическом смысле. Человек бывает «у себя» гораздо реже, живет «у себя» гораздо меньше, нежели в биологическом либо социальном форматах существования. Самая же большая проблема именно в неустановленности, неотформатированности режима личностного, осознанного, добровольного существования. Биологические и социальные форматы установлены еще на заре человеческих сообществ: продолжение себя в детях, смыслы служения «народу, человечеству», профессиональные достижения ассоциируются со славой, престижем, богатством и пр. Личностные форматы были долгое время маргинальны – в силу коренной заинтересованности социума в ценностной унификации сознания своих членов. Подобная неустановленность (здесь каждый должен сам установить цели, последовательности их достижений) превращает эту сферу человеческого существования, «экзистенциальную отдушину», – в мозаику мгновений. Лишь цель или смысл сообщают временной последовательности глубину и объем. Именно они *ткнут полотно времени*, соединяя мгновения в длинноты, давая сознанию чувство длительности временной дистанции. Потому-то мгновения личностного самостоятельного существования, зачастую и, как правило, не соединены собственными смысловыми скрепами, остаются мимолетными моментами. В них человек бывает счастлив, но они неуловимы и вроде их как бы и не было, и задумается человек после прохождения своего срединного жизненного рубежа: «Кто же он?» И не видит ничего более, нежели биологические либо социальные роли: отец, мать, профессионал, гражданин – и ничего более, отличающего его от миллионов таких же, как он. Хотя на деле все

те, кто имеет хотя бы мало-мальски незашоренное свободное воображение, интуитивно знает, скорее, чувствует свою неповторимость, реализуемую в себе и у себя, но ленится или же боится взять на себя лишний, бесполезный, неблагодарный груз самокопания и самонасилия.

Другая экзистенциальная причина чувств мимолетности своего присутствия в этом мире может быть найдена в особенностях переживания времени сознанием в трех возрастных грациях.

Особенности сознания в «детстве – юности – зрелости – пожилом возрасте» у людей, чье развитие идет в формате биосоциальной программы «сегментарного человека», всецело зависят от органического плана жизни, особенностей социализации и инкультурации, которые изменяют в сознании соотношение основных его сфер: воображения, памяти и рефлексии. Подобное нерасторжимое единство изменений в организме (меры остроты, полноты, свежести восприятия, половое созревание и угасание, динамика роста объема мозгового вещества и пр.) и в конфигурациях доминирования в сознании тех или иных его сфер (в юности – воображение, в зрелом возрасте – рефлексия, в старости – память) – определяют нахождение человека последовательно в разных режимах бытия *расщепленного* времени. Что это означает?

Лишь отвлекаясь от возрастных особенностей, мы можем говорить о том, что человек «свободно владеет своим чувством времени», присутствуя «равномерно» в прошлом (в своей памяти), настоящем (в этом вот мгновении) и будущем (в надежде, уповании). Такое под силу лишь тренированному в абстрагировании и отвлечениях сознанию. На деле же сознание человека, проживающего жизнь в разных своих возрастных границах, имеет всякий раз непропорциональную сдвинутость в то или иное время, которая обусловлена вышеупомянутыми особенностями развития органики и процессами социализации / инкультурации. Подобная сдвинутость в чувствованиях времени, когда живут более в ожидании будущего, смаковании настоящего или же уже лишь во власти воспоминаний, означает отсутствие реального «владения временем», т. е. практическую неспособность к равномерности, стабильности, рациональности и полнообъемности временного переживания по «идеальной схеме» Августина: «Сознание переправляет временной миг по цепочке из будущего через настоящее в прошлое, владея им в его тотальности». Временные чувствования сознания расщеплены по возрастным формациям, где надежды предвещения будущего составляют «цвет времени» нежного романтического возраста, гонка наперегонки с настоящим определяет основной тон временного состава зрелости, а накопленная память окрашивает временные чувствования пожилых в меланхолические краски прошлого.

Мимолетно мгновение именно вследствие подобной постоянной реальной расщепленности наших чувствований времени, ибо оно не пребывает

константно в гипотетичном рациональном континууме трех своих измерений, удерживаясь во взаимно нейтрализующем взвешивании аспектов-страстей своих чувствований «прошлого – настоящего – будущего», а *приходит и уходит* вместе с ведущими возрастными переживаниями и заботами.

Более того, разные возрастно-временные форматы нашего существования разделяют его на качественные секторы, меж которыми сохраняется часто лишь видимость преемственности. В них наличествует свой, отличный темп жизни и свои характерные переживания делимости существования. Сознание в каждом из трех последовательных своих возрастных состояний оказывается как бы внове, начиная почти с чистого листа. Прежние ощущения и переживания остаются во мгле ушедшего и выглядят как один пронесшийся миг, который уже непонятен, сладостен и прекрасен. Юноша не понимает, страшится, но и жаждет зрелости; зрелый снисходительно удивляется своим прежним незрелости и глупости; пожилой сокрушается о крайностях юности и нелепостях взрослой суетливости.

Такая внутренняя качественная разгороженность в нашем существовании делает невозможным наличие единой сквозной перспективы и полнообъемности в чувствованиях собственной идентичности. Жизнь оказывается составленной из качественно неповторимых, безвозвратно утекающих мимолетностей, слабое свечение которых в памяти и создает ощущение гостевания, единокрайности и зрешности.

Эти ощущения интенсифицируются, создавая особый тон существования и настоящих эфемерид среди человеков, не дневных, но, скорее, ночных мотыльков, которые почему-то начинают сторониться своих собратьев и жить в уединенности ночи. Смысл жизни их нелеп и вне мира сего. Как ночные мотыльки, они устремляются к чарующему, неведомому и смертельно опасному пламени трансцендентного, запредельного, неведественного.

Люди, чье сознание предпочитает свой вымышленный мир реальному, – в какие бы мифологические, религиозные или философские формы он не облекался – появляются в преддверии городских культур, в процессе складывания уже развитых религий, искусств и философских учений. Они, собственно, и создавали их, знаменуя собой появление «метафизического человечества» – постоянно затем самовоспроизводящиеся группы людей, чья жизненная мотивация, ценности и чувствования времени существенно отличны от большинства населения. Люди «осевого времени» острее других начинают чувствовать мимолетность нашего удела. Основное условие их появления и сохраняющего воспроизводства – отчуждение, отрыв от пуповины коллективного сознания, экономическая возможность жить вне скотского поработящего физического труда основной массы населения, осознава-

ния себя как критика «ценностей». Их общий признак, таким образом, – выпадение из социопрактических реалий, утеря «видовых корней». Свобода духа означает разрыв с жизненными устоями крови и территории, создает «свободнопарящую интеллигенцию» (Манхейм).

Древнюю традицию почитания умственных, отвлеченных от жизни занятий – признака обладания свободным временем – разрушил Ницше. Уединение в сознании ослабляет волю к власти, потворствует слабым в их слабости и лени отказ от активизма борьбы – неоднократно говаривал он в своем «заратустровском» периоде². Правда, затем, в набросках к «Воли к власти», он уже во многом отходит от примитивизма в толковании воли: жизненное напряжение может реализовываться и в иных, нежели повседневность, сферах.

Определенный резон в «критике духа» со стороны «философов жизни», конечно, есть. Да, они «трутни», да, они «страшно далеки от народа», живущего в простых, нужных и понятных занятиях. Действительно, «народу», т. е. подавляющему большинству населения любой общности, чужды и далеки «все эти науки и философии», который вполне бы обошелся, в плане духовного потребления, националистической мифологией и религией. Скорее, практический эффект наук и индивидуалистических ценностей, появившихся из первых теоретизированных древних религий и философий, создавших в Новое время высокопроизводительную цивилизацию, примиряют «население» со «свободнопарящей» интеллигенцией. К тому же, последняя во многом заменяет по своим социальным функциям древнее жречество, колдунов, затем попов.

Просто эти люди, сочиняющие стихи и романы, философские трактаты и научные монографии, пишущие музыку и религиозные проповеди, картины и нравственные сентенции, способны выразить то, что чувствует большинство, в том числе и щемящее чувство мимолетности бытия, прорывающееся, время от времени, в настроениях ностальгии, жалости к себе, недоумении от того, что прежде казалось высокоценным и значительным.

Почему именно эти бездельники, чудаки и шелкоперы обладают этой чудесной способностью к созданию «вторичной реальности», фокусированно выражающей мир человеческих страстей и ожиданий (иначе зачем подобное удвоение)? Этому невозможно научиться или приобрести, это – результат «мутации сознания», ставшей затем ин-

теллектуалистской традицией, которую каждый раз проживают, становясь ей персонифицированно³.

Мутация в развитии сознания означала появление, наряду с традиционной сферой ценностей, мотиваций и идеалов («вырастить сына, посадить дерево...»), другой сферы, имеющей в качестве основ интеллектуальную традицию «осевого времени»: параллельность, альтернативность особого духовного начала в человеке в оппозиции вещественному, социоматериальному, нравственное самостояние и «конструирование себя».

Однако, что означает «усвоение» подобных альтернативных ценностей настолько, чтобы в сознании возник реально параллельный мир, замещающий в главных своих моментах «житейскую мудрость»? Это итог не обучения, а результат серьезных внутренних изменений в естественно-темпоральном расписании развития сознания.

Суть подобных изменений – в формировании в сознании некоего особого уровня, сектора, который не только автономен по отношению к остальным сферам, обслуживающим поведение в повседневном мире, но и захватывает реальную власть в определении жизненной стратегии. Создание нового уровня сознания, сектора духовной активности происходит, как правило, в жизненном среднерубежье у разных людей по-разному. Его оформление идет либо на базе профессиональной деятельности (профессия как призвание, служение, аскеза), либо на базе хобби, вне профессиональной активности, также целиком захватывающей человека. Здесь и появляется собственно индивидуальная «история», собственно авторская идентичность, отличные как от видовой, так и от социокультурной функциональностей. Это то, что в экзистенциализме называется «проектом бытия», т. е. постановкой собственных целей, деятельностью по их реализации, последовательностью постановок, внутренних переворотов, перерождений. Короче, это сцена, где играется пьеса «поисков самоидентичности», а режиссура, авторство и исполнение ролей принадлежит новому «я» – «я» этого нового уровня, нового мира. Но, заметьте, мира – в контексте прежней среды обитания.

Люди, внутри которых происходят подобные трансформации сознания, остаются ведь в принципе теми же и в том же социокультурном окружении. Остается прежнее поведенческое, социальное «я» (роли, привычки, габитус), остаются семья, друзья, наконец, остается свое старое доброе тело, живущее по своей же программе. Время прежнего, социально-поведенческого «я» синхронизовано как с жизнью тела, так и со своим социокультурным контекстом и расписанием.

Но вот, наряду с прежним, появляется нечто новое. Это новое идеалистическое «я», по-иному

² Парадокс, – человек, являвшийся интеллектуалом высшей пробы, он прославлял совершенно чуждый ему антропологический тип, зоологическую волю к грубой практической власти. Он сам бы был последним из рабов, был бы помыкаем, как шут и ничтожество, в том обществе, которое было бы организовано в соответствии с принципами его философии.

³ См. о механизмах радикальной персонализации: Красиков В. И. Персонализация присутствия // Человеческое присутствие. – М., 2003. – С. 60-94.

переживающее время. Возникает своего рода «программный конфликт»: сосуществование, противоречие и потребность в синхронизации двух «я», двух переживаний времени. Это, с одной стороны, дает этим людям способность острее ощущать (через контраст) и выражать свою временность, с другой же — как плата за то: интенсивнее прочих маяться острым чувством мимолетности и тщетности. Подобная острота — от столкновения двух временных планов сознания: видового, социокультурного и личностного, экзистенциального.

Особенность нового временного плана, времени «игрового сектора» — в его принципиальной открытости, незавершенности, значит, — вечности. В обычной жизненной последовательности поведенческое «я», утомляясь гонкой с настоящим в зрелом возрасте, постепенно утрачивает свой деятельный пыл, остывая и погружаясь в тень прошлого, с обреченным пониманием сознавая тщету усилий и неминуемость завершения. Если же возникает новое, идеалистическое «я», смысл существования которого в нескончаемой игре в самоопределение, то происходит своего рода возвращение во временной формат юности. Это новообразование не связано, мало синхронизовано со своим носителем — телом.

Идеалистическое «я» живет в лихорадке постоянного предварения — предвкушения нового творчества, нового проекта, целей, обуреваемо теснящимися замыслами, каждый из которых обещает новую радость открытия, новизны, значимости и, что главное, более совершенную, зрелую самореализацию. Жизненное напряжение держится постоянно в высоком тоне, а продуктивность только возрастает. С одной стороны, это удлиняет, растягивает время в его субъективном восприятии — большое количество артикулируемых вниманием действий создает высокую плотность проживания. Временные интервалы (часы, дни), помеченные важными делами, реализацией своих проектов, сообщают неординарность, масштабность прожитому времени, делая зарубки в памяти более учащенно, нежели в заурядном ленивом проживании.

С другой же стороны, время проживания идеалистического «я» также и невероятно сжимается. Если оно «растягивается» внутри делания проекта, достижения какой-то отдельной цели, то оно убыстряется неимоверно между проектами и целями. Здесь самое ценное для него — состояние открытости и возможностей, ощущения того, что последующее непременно будет лучше и совершеннее. Это безостановочная, раскручивающаяся спираль прогресса, не имеющего определенной финальной

цели под лозунгом Э. Бернштейна: «Цель — ничто, движение — все». Соответственно, время здесь в целом, по сути, останавливается: идеалистическое сознание *всегда* находится в состоянии делания какого-либо проекта и в состоянии уже предвосхищения нового. Лихорадочное, азартное делание сохраняет постоянную юность духа, его бодрость, желание жить и творить. Эта неостановимая (из себя) круговерть и есть состояние «вечности», ощущение времени, трансцендентное обычному переживанию.

Возникает своего рода релятивистский эффект: в высокоскоростном жизненном ритме идеалистического «я» время останавливается, тогда как в обычном проживании тела и социального деятеля оно резко ускоряется. В восприятии интегрального «я» (сосуществование прежних и новых уровней самоидентичности в одном сознании) этот временной релятивистский эффект предстает в чувствах зыбкости, условности, мимолетности и тщеты.

Пребывая во времени «космических скоростей» проживания, новая идеалистическая идентичность стремится дистанцироваться от своих прежних форм. Подобное самоотличение, чувство уникальности и избранности — важнейшее условие самого формата существования идеалистического «я». Все прежнее, однако, сохраняется, никуда не исчезает, переходя более в рецессивные состояния. Главное же, что время от времени охлаждает воспаленное воображение нового «я», — это своя, размеренная и отмеренная, жизнь тела. Чтобы человек не сделал потрясающего и неслыханного, либо чтобы он не навоображал о себе в своем сознании — его тело так же стареет, слабеет, начинает постепенно разлагаться, как и тела его более ординарных сородичей.

И, просыпаясь время от времени от зачарованности собой ли, делом ли, несчастное сознание глубже, проникновеннее видит свою мимолетность и эфемерность, тщету и самообман — в кружевах полета своих воображения и фантазии — на фоне зловеще-бездушного оскала физической причинности и биологических судеб живого. Физическая немощь, в конце-концов, побеждает дух. Ослабевают и нежные крылья эфемерид. Долгожданная, обещающая отдохновение от зноя суеты дня, прохлада наступающей ночи оказывается опять не тем, чего ждут. Может, единственно позитивное здесь то, что наконец-то прекращается обман самого ожидания или то, что, собственно, и называется «человеческим существованием».